

УДК 82-6 +39

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-79-113

Переводы шести писем Б. Бергмана из его труда о калмыках «*Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803*»

Александра Тагировна Баянова ¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Баянова А. Т., 2021

Аннотация. *Введение.* Вклад известного религиозного деятеля, писателя и переводчика Б. Бергмана в исследование калмыцкого фольклора огромен. Он является автором самой ранней европейской документированной записи калмыцкого героического эпоса «Джангар», перевода на немецкий язык буддийского трактата «Йиртмжин толи» («Зеркало мира») и двух песен эпоса «Гесер», 13 сказок сборника «Сидди-кюр» и т. д. *Цель статьи* — ввести в научный оборот письма Б. Бергмана, опубликованные в его работе «*Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803*» («Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах»), изданной в Риге в 1804 г. на немецком языке. *Материалами* исследования являются первые шесть писем Б. Бергмана, впервые переведенные автором на русский язык, в которых описываются его этнографические наблюдения. *Результаты.* Исследование религии, языка, образа жизни и истории калмыков племени, легшее в основу работы Б. Бергмана, которое он проводил исключительно с научной целью, должно было положить начало его научной работе в Императорской Академии наук, чего, к сожалению, не случилось. Тщательность, которая присутствует в описаниях, приведенных в его письмах, позволяет говорить о нем как о вполне подготовленном исследователе-этнографе и фольклористе.

Ключевые слова: Б. Бергман, калмыки, письмо, этнография, буддизм
Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии, Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Баянова А. Т. Переводы шести писем Б. Бергмана из его труда о калмыках «Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. №. 3. С. 79–113. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-79-113

UDC 82-6 +39

Benjamin Bergmann’s Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803: Introducing Russian Translations of Six Letters

*Aleksandra T. Bayanova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Bayanova A. T., 2021

Abstract. *Introduction.* The impact of Benjamin Bergmann — a renown religious figure, writer and translator — in Kalmyk folklore studies is immense. He authored the earliest European documented record of the Kalmyk heroic epic of *Jangar*, German translations of the Buddhist treatise titled ‘Mirror of Reality’ and two songs of the *Gesar* epic, thirteen folktales from the Siddhi Kür collection, etc. *Goals.* The article introduces B. Bergmann’s letters included in the 1804 German-language edition of his *Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803* (Germ. ‘Nomadic Wanderings among the Kalmyks in 1802–1803’) published in Riga. *Materials.* The study explores and translates into Russian the first six letters containing ethnographic observations. *Results.* B. Bergmann’s scholarly insights into religion, language,

lifestyles, and history of the Kalmyks to have compiled the edition were to lay the foundation of his work at the Russian Imperial Academy of Sciences which unfortunately never happened. The meticulousness of his accounts and descriptions testify of his decent proficiency in ethnography and folklore investigations.

Keywords: B. Bergmann, Kalmyks, letter, ethnography, Buddhism

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Bayanova A. T. Benjamin Bergmann’s Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803: Introducing Russian Translations of Six Letters. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 79–113. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-79-113

Введение

Известный лютеранский пастор, писатель и переводчик Бенджамин Бергман внес весомый вклад в развитие калмыковедения. Жизни и деятельности Б. Бергмана посвящены научные публикации П. Э. Алексеевой и Л. Ю. Ланцановой, Т. Г. Басанговой, Б. Л. Митруева [[Ученые-исследователи 2006](#); [Басангова 2002](#); [Митруев 2020](#); [Митруев 2021](#)].

Предпринятая Б. Бергманом фольклорная экспедиция в Калмыцкую степь была чрезвычайно успешной. Он хорошо владел калмыцким и монгольским языками, прожил несколько месяцев среди калмыков, ему удалось сделать многое для изучения образа жизни, традиций, обычаев, языка кочевого народа.

Весь собранный материал он впоследствии изложил в своем фундаментальном труде «Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803» («Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах»), изданном в Риге в 1804 г. на немецком языке и состоящем из 4-х частей. Имеется также французский перевод этого издания.

Ценные этнографические сведения о калмыках, запись отрывков из героического эпоса «Джангар», легенды о джангарчи,

13 сказок «Сиддиту кюра» легли в основу его труда. Подробнее о содержании книги изложено в статье Б. Митруева [Митруев 2020]. Целью данной статьи являются ввод в научный оборот переводов на русский язык писем Б. Бергмана, легших в основу его труда.

Материалами исследования являются первые шесть писем Б. Бергмана, которые переведены автором на русский язык. Всего же в основное повествование Б. Бергмана «*Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803*» [Bergmann 1804] включены 37 писем, которые в дальнейшем также требуют введения в научный оборот. В первой части книги имеются тексты 15 писем, датированные апрелем–июлем 1802 г. Двенадцать писем написаны с интервалом в 1–3 дня и являются своеобразным дневником путешествия. Последние три письма написаны с интервалом более чем в 10 дней, одно письмо (четырнадцатое) не датировано вообще. По объему письма разные: от 2 до 12 с половиной печатных страниц.

История вопроса

Б. Бергман в своей работе «*Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803*» частично использует эпистолярную форму изложения. Возможно, этому способствовала эпистолярная традиция, которая была заложена авторами западноевропейских эпистолярных романов XVIII в. («Страдания юного Вертера» И. В. Гете (1774); «Юлия, или Новая Элоиза» Ж. Ж. Руссо (1761)).

XVIII век для России — это период расцвета культуры Нового времени, в которой первостепенное значение приобретали личность человека, его внутренний мир. Именно в этот период получила развитие эпистолярная и мемуарная литература. К первой трети XIX в. жанр «дружеского письма» получил широкое распространение. По мнению Т. Лохиной, образованный человек в это время «обретает привычку посредством письма давать себе ежедневный отчет о своей жизни..., ему недостаточно просто уединенных размышлений, он стремится записать и, тем самым, зачастую прояснить для себя происходящее» [Лохина 2003: 45].

К эпистолярной форме изложения обращались многие классики русской литературы: Н. М. Карамзин («Письма русского путешественника» (1791)), А. С. Пушкин («Роман в письмах» (1829)), Ф. М. Достоевский («Бедные люди» (1845)). Письма Б. Бергмана по содержанию и стилю ближе карамзинским «Письмам русского путешественника» — своеобразным путевым заметкам странствующего по Европе молодого писателя, в которых он описывает жизнь и культуру народов Франции, Англии, Швейцарии и Германии.

О переводах шести писем Б. Бергмана из его труда о калмыках

Как отмечает Б. Бергман в предисловии к изданию, он использует эпистолярную форму, так как это «дало больше свободы в изложении обычаев и традиций калмыков без систематического порядка, а отчасти потому, что я думал, что это больше привлекает внимание читателя» [Митруев 2020: 165].

Адресатом этих писем являлся друг юности Федор Давидович Дюбуа (Feder Dawiditsch Dubois), о котором известно немного. По словам Б. Бергмана, это был один из близких ему по духу людей, которого он очень уважал и считал человеком, обладающим сотнями прекрасных черт и не имеющим каких-либо недостатков [Bergmann 1804: 23].

В предисловии Б. Бергман также приносит извинения за чрезмерно дружеский тон письма, который отражает его теплые чувства и товарищеские отношения и не относится к сути повествования [Bergmann 1804: 23].

В данных письмах нет клишированных фраз, стандартных обращений, характерных для эпистолярного жанра, но присутствует иллюзия общения, или, скорее, присутствия адресата, хотя ни в одном из писем автор не обращается к Ф. Д. Дюбуа по имени, и, если бы он не указал его имени в предисловии, трудно было бы понять, кому письма адресованы.

Следует отметить, что эпистолярный жанр при описании быта и традиций калмыков использован и польским профессором

Э. Островским [Островский 1859]. В его «Письмах из путешествия по киргиз-кайсацким степям» два письма, VII и VIII, посвящены итогам путешествия в Хошеутовский, Багацохуровский и Малодербетовский улусы. Для писем Э. Островского характерен созерцательный стиль, письма Б. Бергмана, напротив, отличаются свободой и индивидуальностью стиля и лишены нормативности.

Первые шесть писем, переводы которых приведены в данной статье, датированы концом апреля и первой декадой мая 1802 г. По объему письма небольшие, в каждом описано какое-либо одно событие: путешествие по степи (письмо 1), описание калмыцкой кибитки (письмо 2), посещение кибитки Чучея (письмо 3), калмыцкое богослужение (письмо 4), калмыцкие священнослужители (письмо 5), переезд калмыков на новое кочевье (письмо 6). Вместе с тем эти письма не представляют собой простое перечисление каких-то событий и встреч путешественника, он отбирает самые интересные и важные на его взгляд моменты, что придает изложению некую динамичность и позволяет читателю стать соучастником его «приключений». Эпистолярный стиль позволяет автору представить свой «искренний и в силу этого истинный взгляд на мир» [Логунова 2009: 128].

Автор не просто описывает быт и традиции народа, но и дает свое объяснение тому или иному факту. Так, он выдвигает гипотезу их возникновения, довольно неожиданную и спорную, сравнивая жилище кочевника с гнездом ремеза [Bergmann 1804: 44].

В письмах Б. Бергмана непременно присутствует комический элемент. К примеру, увидев, как калмычка очистила руками миску и налила сливок («этим зрелищем я был сыт»¹ [Bergmann 1804: 44]), путешественник отказался от еды, хотя был сильно голоден. Удивлению его спутников не было предела: как можно было отказать от такой вкусной пищи.

С определенной долей иронии автор отнесся к тому, как сам похвалялся знаниями калмыцкого языка («Хотя, возможно, с моей стороны и было немного хвастовства, но мне кажется, что это было, по крайней мере, очень простительно для меня, потому

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

что я только надеялся привлечь внимание калмыков и действительно вызвал это») [Bergmann 1804: 65].

Автору присуща обстоятельность в описании любого события. Он очень подробно изобразил быт хозяина кибитки, в которой он остановился (письмо 1). Искренне поражался тому, как быт и традиции калмыков устроены именно для кочевой жизни. Его восхищали острота зрения степняков («*Полюбуйтесь острым зрением калмыков!*») [Bergmann 1804: 42]; их умение ориентироваться в степи («*Но калмык-кочевник знает, как хорошо помочь себе, не обращая внимания на дорогу, он управляет лошадьми или верблюдами несколько сотен верст, как рулевой своим кораблем*») [Bergmann 1804: 36]), гостеприимство и щедрость («*...на следующее утро наш калмыцкий домовладелец расстался со своими гостями довольный, будто получил от нас большую честь, когда мы, наоборот, сократили его имущество на одну овцу*») [Bergmann 1804: 38]).

Далее приводятся тексты переводов писем Б. Бергмана, опубликованные в издании [Bergmann 1804: 33–81]. Перевод писем максимально приближен к оригиналу. Безэквивалентная лексика выделена курсивом. В целях передачи оригинального написания безэквивалентной лексики в скобках дается немецкий вариант. Примечания автора статьи помечены цифрами, примечания Б. Бергмана — звездочкой.

Письма из Калмыцкой степи

Письмо 1 [Bergmann 1804: 33–45]

Стан калмыцкого князя *Чучея* (Tschutschei) на донской реке *Акса́й* (Ахaй).

30 апреля 1802 г.

Перед тем, как вырваться к калмыкам, я пробыл несколько дней у источника в *Сарепте* (Sarepta), в войлочной кибитке русского переводчика, чтобы посетить в его обществе орду¹.

Источник в *Сарепте* (Sarepta) имеет довольно романтическое

¹ Здесь и далее Б. Бергман имеет в виду поселение. — прим. А. Б.

месторасположение. На соседней гряде холмов раскинулась огромная равнина, с которой открывается вид на широкий участок *Волги* (Wolga). В 5 верстах виднеется имение *Отрада* (Otrada), а далее в 12 верстах, на *Волге* (Wolga), крепость *Царица* (Zaritze). Балки, спускающиеся по склону горы, заросли дикими яблоками, вязами, дубами и другими деревьями. Несмотря на раннее время года, здесь проросли левантийская морская капуста (*Crambe orientalis*)¹, ночные фиалки (*Hesperis tristis*), купена душистая (*Convallaria polygonatum*), душица обыкновенная (*Origanum vulgare*), ракичник (*Cytisus Supinus*). Красные цветы дикого степного миндаля (*Amygdalus nana*) покрыли зеленым ковром гористую местность. Любители энтомологии найдут там самых пестрых бабочек. Наверху в невысоких кустах сидят орлы.

Источник получает воду из большого родника, который вытекает вместе с 15 или 16 другими маловодными родниками. Пробы показали, что его минеральный состав ничем не уступает источникам в Карлсбаде, и все же в течение двух или трех лет из далеких краев так редко совершали паломничество к нимфе источника в *Сарепте* (Sarepta). Возможно, попасть туда из *Сарепты* (Sarepta) за семь с лишним верст сложно, или собственное презрение россиян ко всему, что порождено на родине, или недавно открытые кавказские источники виноваты в том, что этот источник почти не посещается гостями. Однако наилучшее свидетельство благополучия источника — это сами сарептинцы, которые часто его используют.

Наша кибитка находилась в местности, где пресловутый Пугачев отдыхал 3 дня во время своего разрушительного перехода: место его шатра было всего лишь в нескольких шагах от нас. И до сих пор о нем и его двух прекрасных спутницах доходят до нас различные слухи от русского служителя этого источника, который был так хорошо осведомлен обо всем, что мы могли принять его за бывшего приверженца бунтаря. Он утверждал, что приближенные Пугачева выкопали саблями землю под главным

¹ Катран восточный — род многолетних или однолетних растений семейства капустных. — прим. А. Б.

шатром и закопали там несколько грузов с серебром. Говорят, что в разные времена золото и другие утерянные ценности должны были быть вскопаны. В нескольких местах, особенно в районе шатра Пугачева, мы видели землю, выдолбленную земляными бурами и лопатами.

Но достаточно о Пугачеве и источнике в *Сарепте* (Sarepta), все уже готово к поездке. Мы предпочли верховую езду как самый простой и быстрый способ выбраться в Калмыцкую степь. Нам предстояла поездка в 180 верст, но для моих спутников это было пустяком. Я находился среди христиан, магометан и идолопоклонников, поскольку мое общество странствующих, кроме переводчика и одного трухменского военачальника, состояло из двух магометанских татар и трех калмыков-язычников. Так как тяжелый багаж отправили вперед на фургонах, то у калмыков и татар были только лишь съестные припасы, которые погрузили на себя. Наши лошади направились в гору, и через несколько минут мы не увидели на большом горном плато ничего, кроме неба и зеленого поля.

Калмыцкую степь можно очень хорошо сравнить с открытым морем, где зоркий глаз калмыка служит вместо компаса. Представьте себе обширную территорию в 400 верст, где только несколько прочных жилищ можно найти на пограничных реках: этот огромный край полностью лишен растительности. Немногие отличительные приметы, которые появляются на нем, — это овраги, холмы и водные плато. Однообразие этих черт делает их очень ненадежными проводниками для любого, кто не является калмыком. Но калмык-кочевник знает, как хорошо помочь себе, не обращая внимания на дорогу, он управляет лошадьми или верблюдами несколько сотен верст, как рулевой своим кораблем.

Поскольку мы покинули источник лишь в три часа дня, то хотели проехать только 40 верст, а затем провести ночь в калмыцкой кибитке.

Проехав 20–30 балок, мы прибыли в местность, где должны были стоять кибитки; но калмыки переселились по меньшей мере на 10 верст в сторону. Десять верст в Калмыцкой степи вовсе не считаются. От балки к балке мы искали переселившихся калмыков

и, наконец, нашли их, хотя и довольно поздно, рядом с большой лужей от дождя.

По установившемуся обычаю, для важных гостей, когда они останавливаются у калмыков во время своих степных странствий, забивают овцу и ставят кибитку в прохладном месте. Эта традиция пришлась нам по душе. Мы съели в нашей опрятной кибитке поданную на стол баранину, а затем немного побеседовали с нашим уважаемым хозяином и легли, наконец, на расстеленный войлочный ковер, где мы вскоре забыли обо всех трудностях нашей поездки верхом. На следующее утро наш калмыцкий домовладелец расстался со своими гостями довольный, будто получил от нас большую честь, когда мы, наоборот, сократили его имущество на одну овцу.

Нашей поклажей был навьючен на этот раз величественный верблюд, который неторопливыми шагами следовал за нами, пока мы шли по степи. Утро было приятным, и легкое облачко в сочетании с нежным дуновением воздуха защищало нас от ранних лучей солнца. Но дуновение ветра постепенно утихло, и жара становилась все нестерпимей, когда мы достигли воды, где решили отдохнуть пару часов.

Огромная равнина, по которой мы только что прошли, не показала мне ничего, кроме предметов, которые я заметил уже днем. Земля еще не высохла до каменного состояния, что обычно происходит в это время года. Трава была зеленой и высокой, особенно в балках. Вредные насекомые, летающие вокруг, становились все реже. Суслики, родственники сурка, встречались все чаще.

Пока наши калмыки и татары собирали навоз, чтобы разжечь огонь, и выкопывали в земле яму, над которым нужно было поставить котел, остальные из нас улеглись вокруг, чтобы отдохнуть на мгновение на седельной подушке, но жар от солнца был настолько ощутим, что за те полчаса, когда находились в полудреме-полубодрствовании, мы более устали, чем от нашей шестичасовой поездки верхом. После трапезы нам принесли воду из пруда или резервуара с дождевой водой. Калмык уверил нас, что хорошо, что он не поленился и принес воду. Может, он и прав, но напиток, ко-

торый он нам подал, состоял из смеси черного и желтого и был наполнен всевозможными насекомыми. Поскольку я пробудил свою жажду более, чем утолил ее, опустошив три или четыре миски, я высказал своим спутникам мое страстное желание по свежему напитку, но получил от них не очень утешительный ответ, что можно меня считать счастливым, если буду всегда получать такую воду в будущем.

После того как провели пару часов на отдыхе, мы сели на коней и добрались до нескольких калмыцких кибиток, которые находились в 50 верстах от нас. Наши лошади с самого начала казались очень уставшими.

Тем не менее, когда мы были еще примерно в двадцати верстах от лагеря, мои спутники захотели проверить силу своих бедных животных. Несколько верст мчались. Моя лошадь, которая не относилась к самым быстрым, опередила двух лошадей, но за первыми пятью следовать можно было с большим трудом. Я уже начал терять из виду передних наездников, когда, наконец, наткнулся на двух наших калмыков, которые оба ехали на одной лошади, потому что другая была сильно утомлена. Опасаясь того, что можем отстать от остальных, они попросили меня подбодрить к быстрому бегу уставшую лошадь. Я действительно делал это некоторое время, но довольно тщетно, тогда два калмыка дали мне понять, что нам придется заночевать в открытой степи без войлочных одеял, без еды и питья. К тому же я еле переводил дух, но немедленно поторопил своего коня, оставив двух калмыков позади себя, и разыскал своих товарищей. Напрасно калмыки кричали мне вслед, что я все-таки не догоню других, что я заблужусь; не обращая внимания на их слова, я поскакал туда, где думал, что найду остальных. Я держался, как мог, следуя за движением солнца, но мой глаз был не настолько наметан, чтобы следовать по прямому направлению в широкой степи, поэтому я, после того как наугад проехал несколько верст, уже больше не знал, ни куда и ни откуда я еду.

Солнце, которое было моим единственным указателем дороги, все больше и больше исчезало с горизонта, и зрелище его захо-

да в степи, которое в противном случае наполняло бы мою душу восторгом, стало теперь для меня предметом ужаса. Множество историй несчастных людей, которые, несмотря на знакомство со степью, заблудились и нашли в ней могилу, заставили меня предвидеть подобную судьбу. Ужасно мучила жажда. Язык прилип к небу. Короче говоря, я оказался в положении, в котором никогда раньше не был. Солнце село, лошадь моя устала, поэтому я решил дождаться следующего утра, чтобы с восходом солнца отправиться в прямом направлении к *Дону* (Don), который был более чем в ста верстах от меня. Поскольку я был как раз в овраге, обильно поросшем травой, то распряг там свою лошадь, расположился наверху и решил переночевать там. После того, как я простоял на холме около часа, показалось, будто что-то движется вдали. Наконец, я увидел двух приближающихся ко мне всадников, и это были оставшиеся позади калмыки, которые за несколько верст узнали меня и изменили свое направление, чтобы вытащить меня из беды. Я, полный радости, поспешил вниз к балке, сел на отдохнувшую лошадь и поскакал своей дорогой.

Один из моих спутников сказал мне, что еще 6 верст до пруда, где можно найти кибитку его земляков. Прошло совсем немного времени, прежде чем он увидел нашего верблюда, того, на котором мы прибыли в стан кочевников. Полюбуйтесь острым зрением калмыков! В сумерках, через час после захода солнца, он смог различить верблюда на расстоянии 5–6 верст. Верблюд, который всегда оставался у нас на глазах, служил нам в какой-то мере проводником. Мы направились к нему, нашли там пресную воду и кибитку из войлока.

Двое последних всадников прибыли вперед нас, но трое передних напрасно перестали нас дожидаться. Так как мы без переводчика не могли рассчитывать на собственную кибитку, то пошли к калмыцкому священнослужителю, где были гостеприимно встречены.

Миска с кобыльим молоком прошла по кругу, чайник поставили на огонь, чтобы заварить чай. Наш хозяин принадлежал к презираемым членам калмыцкого духовенства, так как был женат.

Калмыцкие священники хотя и не должны вступать в брак, но могут вступать в отношения с женщиной в том случае, если они не заинтересованы в уважении других священников. Такие женатые священники разъезжают с родственниками и друзьями по отдаленным районам, где они одновременно заменяют врачей и авгуров (прорицателей).

Наш хозяин был небогат. Его семья ютилась в тесной войлочной кибитке, которая выглядела довольно грязной. Страх перед опасными насекомыми заставил меня ночевать в открытой степи. Седло было моей подушкой, а калмыцкое войлочное пальто было моим одеялом.

Ночи здесь довольно холодные. На этот раз также был неприятный туман, который не нарушил моего спокойствия, но пропитал обильно влагой мои волосы и одежду. Я проснулся рано и хотел было чем-нибудь полакомиться. Мне сказали, что есть сливки и молоко. Я выбрал сливки. Хозяйка тут же схватила жирную миску, которую очистила пальцами, обмазала руку, затем языком очистила руку от белой жидкости. Этим зрелищем я был сыт. Я сделал вид, что кислые сливки мне противны, и оставил миску своим спутникам, которые были немало удивлены, что я смог отвергнуть такое вкусное блюдо.

Тем временем туман рассеялся. Пара наших товарищей была отправлена в разные стороны на поиски троих заблудившихся, в то время как остальные из нас продолжили свой путь. Мы проехали примерно половину пути, когда один из калмыков воскликнул: «Вот они!». Я посмотрел, но не смог заметить ничего. Калмык был прав.

Мы встретили наших потерянных товарищей, которые провели очень неприятную ночь без еды и питья и, что еще хуже, без защиты от холода. Они сказали, что накануне вечером узнали меня на моем холме и зажгли костер, чтобы дать мне знак, что они поблизости. Свет огня от собранных ими кизяков был настолько слабым, что я ничего не заметил.

Несколько свежих лошадей, которых мы встретили у кибиток, теперь были обменены на самых утомленных лошадей, и послед-

ние силы были приложены, чтобы как можно быстрее преодолеть оставшуюся часть пути. Вскоре мы увидели калмыцкий стан, и до полудня находились в отведенной нам кибитке.

Письмо 2 [[Bergmann 1804: 45–56](#)]¹

1 мая.

Возможно, вам будет любопытно познакомиться с первым человеком среди калмыков. Я хочу удовлетворить ваше любопытство в этом письме. Но будьте готовы прочитать кое-что о калмыцких жилищах.

Калмыцкая кибитка имеет форму сильно закругленного конуса, который, кажется, опирается на цилиндр высотой от 3 до 4 футов, окружность которого составляет 6, 8 или более элементов.

Каркас этой кибитки состоит из деревянной решетки снизу, а сверху из длинных наискось стоящих палочек, которые держатся высоким концом в круглом деревянном венце, а другим упираются в решетку. Такие кибитки застилают с внешней стороны войлочными одеялами, которые крепятся прочными завязками из верблюжьей шерсти. Если в жилище разводят костер, то достаточно отодвинуть войлочные одеяла от венца кибитки, чтобы дым свободно вышел.

Вы бы сами видели такие кибитки, чтобы понять их функциональное устройство. Они противостоят дождю и штормовому ветру, сохраняют тепло зимой и гораздо лучше защищают от жары летом, чем обычные солдатские палатки из парусины. Поскольку кочевники-калмыки редко проводят на одном месте больше недели, то не может быть ничего более удобного, чем такой вид хижины, которую легко разобрать и унести на верблюдах.

Но как монгольские народы смогли прийти к такому устройству жилища, которое для их кочевого образа жизни было бы настолько удобным и функциональным? Я придумал особую гипотезу по этому поводу, которая для меня, по крайней мере, имеет

¹ Частичный перевод 2-го письма был опубликован в работе Б. Л. Митруева [[Митруев 2021](#)]. — прим. А. Б.

все вероятности того, что можно задать только одну гипотезу. Но я не могу начать так запросто, потому что должен предварить ее несколькими фразами, против которых вы, я надеюсь, не будете возражать.

Внимательное созерцание природы в ее разнообразных отношениях с человеком породило большинство умений. Вид функционального устройства природы произвел такое глубокое впечатление на восприимчивые чувства естественного человека, что последний, поскольку потребность и необходимость приводили в движение самостоятельную силу его разума, должен был прийти к выводу принять определенные меры для своего собственного сохранения и безопасности через подражание объектам природы.

В пещерах, которые возникли сами по себе, под кустами, которые сами собой согнулись, первые люди защищались от влияний погоды.

Ощущение необходимости вскоре должно было породить желание иметь удобное жилище. Пример лисы, медведя и других животных побудил человека рыть более удобные пещеры. Вид гнезда дал ему возможность превратить тонкие ветки в плотно закрытые хижины. Холод заставил людей заменить пламя, которое разжигалось посредством грозových туч. Когти хищных птиц, львов и тигров были сформированы так, чтобы по их подобию изготавливать стрелы, пики и другое оружие сначала для защиты, а затем для нападения. Без выстрела с животных в ненастную погоду сняли естественную одежду, чтобы закутаться в нее. Я мог бы следовать этому описанию вплоть до изящных искусств, но тогда я ничего не оставил бы для вашего воображения и позволил бы моим калмыкам слишком далеко уйти из поля зрения. Итак, вернемся к ним снова.

Подражание природе, как мне кажется, послужило причиной создания войлочных жилищ и для предков калмыков. Но как? Кочевая жизнь в местах, где мало или совсем не запасешься лесоматериалом, не позволяла этим кочевникам, следуя примеру других народов, не только выкапывать удобные лачуги, но и строить хижины из кустов и стволов деревьев. Устав по манере диких

животных лежать на свежем воздухе, возможно, одному из них пришлось на ум сделать из шерсти своей овцы вид хижины, для которой гнездо так хорошо известной в татарской степи птицы ремез могло служить образцом. Эта удивительная птица делает удлиненный мешок из шерсти, который так умело прикрепляет к веткам, что ни ветер, ни погода не могут повредить ее висящему в воздухе жилищу. Мне кажется, что этот метод использовали предки калмыков для создания кибиток по примеру ремеза, которые они впоследствии пытались усовершенствовать и еще лучше укрепить деревянными сооружениями. Поскольку монгольские жилища могли строиться не иначе, как на земле, монголы вынуждены были отклониться от прообраза в том, что они предоставили своим жилищам противоположное расположение. Вход в жилище, следовательно, также был расположен внизу. Сходство между гнездом и кибиткой настолько очевидно с точки зрения материала и формы, что небольшую разницу в расположении не следует принимать во внимание¹.

Кибитки калмыков, принадлежащие орде или большой группе этого кочевого народа, расположены довольно далеко друг от друга, чтобы обеспечить многочисленным стадам удобные места для выпаса. В ставке орды находятся жилища нойона, духовенства и рыночная площадь, которая по-калмыцки, как и по-татарски, и по-русски, называется базаром. Вокруг трех жилищ разбиты обычные кибитки, которые отличаются от жилищ благородных только тем, что они не такие большие, выглядят грязнее и беднее.

Орда, к которой я отправился, лучшая из всех калмыцких орд на Волге, как из-за количества войлочных кибиток, которых насчитывалось около 500, так и из-за того, что там находился глава всех живущих в России калмыцких последователей Далай-ламы.

¹ Данная гипотеза возникновения войлочного жилища, конечно же, любопытна, хотя спорна и несколько необычна. Согласно умозаключениям автора, получается, что и дома оседлых народов возникли по аналогии гнезд птиц из глины. — прим. А. Б.

Поскольку хан *Убуши* (Ubascha) (1771 г.) вывез из Российской империи более 76 тысяч калмыцких кибиток, до недавнего времени у оставшихся не было ни хана, ни наместника.

Наиболее уважаемых князей звали *тайши* (Taischi), других — *нойонами* (Nojone). Император Павел назначил дербетского *тайши* (Taischi) *ханом* (Chan) всех калмыков, и доходы, а также власть, которые были ранее почти не важны, стали гораздо более значимыми. Калмыки снова получили юрисдикцию, отнятую у них после бегства *Убуши* (Ubascha). Вместо того, чтобы зависеть от астраханского калмыцкого суда и от российских попечителей, этот институт был полностью упразднен, и российские правители больше не должны были действовать так самовольно, как раньше.

Переводчик, принявший меня в свою кибитку, поехал со мной и секретарем, который в отсутствие главнокомандующего занимался русскими делами, после того, как мы закончили есть, в ставку (oergö)¹, или в дом наместника *Чучея* (Tschutschei). Войлочная кибитка, из которой состоял кочевой дворец этого правителя, была расположена, как обычно, на совершенно открытом пространстве. Недалеко от этого жилища стояли 50 длинных пик, поставленных с двух сторон на горизонтально закрепленном шесте.

Мы отправились в кибитку, так как там находился князь. Он сидел, как обычно, скрестив ноги, на приподнятом ложе из войлочных одеял и ковров напротив входа. Справа от князя сидели два его старших сына, перед которыми стояли деревянные миски с мясом; нам велели сесть слева внизу на покрывале из войлока. Калмыцкому князю было чуть более 40 лет. Физиономия выдавала его благородное происхождение. На нем был синий шелковый халат. В руке он держал четки, с помощью которых молился, и во время беседы шарики не переставали скатываться проворно один за другим в его руке.

¹ *Өргд* — 1) палата, ставка, юрта (высокопоставленного лица); 2) дворец [КРС 1977: 423]. — прим. А. Б.

В кибитке были пара сундуков, калмыцкий денежный станок¹ и длинная палка, воткнутая в землю, из которой торчали несколько полуобрубленных ветвей, на которых висели идолы.

Мы, европейцы, подчинились азиатской привычке садиться со скрещенными ногами перед калмыцким правителем.

Но после калмыцкого церемониала предписывается еще один способ сидения. Простой калмык выражает свое почтение уважаемому человеку, когда он, подобно верблюду, становится на колени, высовывает ноги сзади и садится на полусогнутые пятки.

После того, как мы сели, меня представили наместнику как немца, который пожелал остановиться у калмыков на некоторое время, чтобы выучить их язык. *Чучей* (Tschutschei) сказал, что это было бы очень хорошо с моей стороны, но что мне придется суметь привыкнуть к калмыцкой² пище*. Я ответил ему на это, что очень доволен калмыцкой едой. Он спросил меня, смогу ли я тоже пить калмыцкий чай? Когда я ответил утвердительно, он повелел повару принести чай.

Через несколько минут принесли чай в длинном деревянном сосуде, обшитом медными обручами, и раздали его в больших деревянных чашах.

Мы вышли из кибитки непосредственно в жилище хана. Оно было намного просторнее, чем кибитка, и его украшали шелковые занавеси. Слева на алтаре стояли различные жертвенные чаши, по бокам алтаря висело несколько изображений богов. Княгиня тоже села на приподнятое ложе и приняла нас очень учтиво. При входе я произнес приветствие по-калмыцки и ответил

¹ Geldmaschine — букв. 'денежная машина, денежный станок'. Но вряд ли здесь идет речь о денежном станке, так как калмыки не имели собственных денег. Возможно, речь идет о денежной копилке (?). — прим. А. Б.

* Только тогда я узнал причину, почему князь посоветовал мне насладиться калмыцкой едой и напитками. Несколько калмыков, которые тоже мне это настоятельно рекомендовали, добавили, что если я хочу выучить калмыцкий язык в ближайшее время, то я должен есть только калмыцкие блюда. Можно предположить, что по той же причине князь порекомендовал мне калмыцкую еду.

на пару простых вопросов, которые я так хорошо понял, что она в изумлении назвала меня *биликта кур* (biliktaj kuhr)¹, что означает способный человек. Она вспомнила, что несколько лет назад недалеко от *Сарепты* (Sarepta) она видела меня с сарептянином, о состоянии которого не преминула осведомиться. Княгиня так прекрасно выглядела, что нас должно было удивить, что у нее шестеро детей, некоторые из которых были уже взрослыми. Она курила табак и забавлялась с двумя маленькими детьми. Из любви к жене секретаря, которая не находила удовольствия ни в напитках, ни в еде калмыков, княгиня приготовила наш чай, но сама его не пила.

Вечер прокоротали, посетив игру по калмыцкой борьбе, которая проводится во время нынешнего молитвенного праздника ежедневно, как только начинает ослабевать жара, рядом с кибиткой старшего сына *Чучея* (Tschutschei).

Поскольку эти состязания были всего лишь подготовкой к более крупному, я отложу подробное описание об этом в другом письме. Борцы выступали перед молодым князем, и победа того или другого сопровождалась громкими аплодисментами зрителей (которые сдерживались со всех сторон на большом расстоянии силой нанятых стражей). Два старших сына князя сидели на войлочных пледах и перебирали четки, хотя и громко аплодировали и упрекали борцов, пока те молились. В то время как борцы подбадривали друг друга пощечинами и пытались умело бороться за пальму первенства, нас угостили чаем и кисломолочным кобыльим молоком (*чиган*) (tschigan).

Было уже довольно поздно, в то время как я вчера ушел от борцов, чтобы еще насладиться чудесным вечером, который в степи превосходит все описания. Летние вечера нигде не могут быть такими красивыми, как здесь, отчасти из-за приятной прохлады, а отчасти из-за отсутствия вредных насекомых. Холод ощущается здесь только после полуночи, поэтому даже после самых жарких

¹ Б. Бергман здесь ошибается. Скорее всего, не *кур*, а *кун*: *билгтэ кун* 'способный человек'. — прим. А. Б.

летних дней необходимо носить шубы. Калейдоскоп впечатлений, который был связан со вчерашним вечером, на несколько часов лишил меня сна, который в противном случае прекратился бы раньше во время поездки верхом, которую я совершил тем утром. Оглушительно ревуший звук музыкальных инструментов, доносившийся из соседних кибиток священников, крик верблюдов, ржание лошадей, рев детей, громкий крик жаб в ближайшем пруду приветствовали мои уши таким многоголосым концертом, что я не заснул до полуночи.

Письмо 3 [[Bergmann 1804: 56–59](#)]

3 мая

Дневной свет, проникающий через отверстие в нашей кибитке, разбудил меня для того, чтобы написать предыдущее письмо, которое вы получите вместе с этим. Около девяти часов я пошел на совет хана. *Чучей* (Tschutschei) все еще был в своей кибитке, дожидаясь утренней молитвы со своей семьей. Молитва, кажется, состояла из обращений к богам, главным образом к гневным богам. Система политеизма направлена на то, чтобы благосклонно относиться к гневным божествам, которые, считается, могут причинить больше несчастья, чем блага. Утренняя молитва князя была разновидностью религиозного пения, которое быстро повторялось, и звуки звучали один за другим, иногда повышаясь, иногда понижаясь. Пусть другие, ненавидящие любую чужую веру, найдут в таких потоках преданности отвращение и мерзость, я так не думаю, я уважаю каждую религию, которая порождает больше моральных, чем аморальных людей, и их обычаи, как бы сильно они ни отличались от представлений, которые породили в моей душе воспитание и размышления, для меня святы. Сообразно такому образу мышления я нашел в калмыцкой молитве много торжественного (праздничного).

Когда молитва закончилась, я вошел в кибитку, и меня угостили чаем. Затем хан пошел в кибитку, где расположился суд, и я последовал за ним туда.

Еще в древности калмыцкие и монгольские князья имели свой совет (*Зарго*) (*Sarga*)*, которому не разрешалось ни в малейшей степени ограничивать их власть, поскольку глава назначал и снимал членов по своему желанию. Делом заргачей, или членов совета, всегда, как и сейчас, было совещание с вождем по вопросам народа.

Зарго состоит из восьми членов. Когда более сорока лет назад (1761 г.) *Убуши* (*Ubascha*) был назначен преемником хана *Дондук- Даши* (*Donduk Daschi*), российское правительство сочло целесообразным ограничить власть калмыцкого правителя, поставив ханских *заргачей* (*Sargatschi*) в зависимость от коллегии иностранных дел, привязав их к российским интересам и заплатив им по сто рублей серебром.

Когда *Чучей* (*Tschutschei*) сел, вошедшие *заргачи* (*Sargatschi*) подошли к нему, один за другим, упали на правое колено, пригнулись к земле и коснулись руки князя правой рукой, тем самым объединив в этой позе приветствие и почтение. Князь также коснулся руки *заргачи* (*Sargatschi*), который затем отступил и присел.

Я вошел в *Зарго* (*Sarga*) без переводчика, и мне было трудно продемонстрировать намерение, которое привело меня сюда. Сын князя спросил меня, принес ли я прошение. Я ответил отрицательно, а затем не менее часа безмолвно слушал переговоры.

Когда судебные дела были закончены, князь приказал подать молочную водку. Для европейца, не привыкшего к нашей обычной водке, этот напиток крайне противен; но кочевая вежливость требует хотя бы дегустации представленной еды. Но чем больше вам это нравится, тем вы более заслужите благосклонное расположение калмыков.

Письмо 4 [[Bergmann 1804: 59–68](#)]

5 мая

Сегодня я хочу провести вас по церковным кибиткам, чтобы познакомить вас с калмыцким богослужением: при моих слабых

*Это выражение от слова *зарг*, что означает ‘приказ, распоряжение’.

знаниях калмыцкого языка я пока не могу думать об исследованиях, а делать выписки из трудов (цитировать) других исследователей я бы не хотел.

Место, где располагаются церковные кибитки, называется хурулом. Он, как вы уже знаете, всегда находится недалеко от ставки (oerгö) или дворца и состоит из нескольких кибиток, которые отличаются лишь своими более прочными войлочными покрытиями от остальных. Эти кибитки стоят отдельно, несколько удаленно друг от друга, и, по крайней мере, в это время года они описывают овальную линию, которая у здешнего хурула, кажется, составляет около двух верст. В центре большого открытого пространства стоит молитвенная кибитка.

Праздник, который длился пару дней, когда я приехал, и продолжается до сих пор, называется *үрүс* (*Uerrüß*). Он отмечается ежегодно в первый калмыцкий летний месяц, с восьмого по пятнадцатый день, что совпадает с последними днями апреля и первыми днями мая. Тем самым все последователи *Далай-ламы* (Dalai Lama) чтят память о рождении *Джагдшамуни* (Dschagdschamuni)¹, т. е. самого главного из богов.

Гул инструментов привел меня к священным кибиткам. Дверь каждой кибитки была открыта, так что я мог все отчетливо видеть, не входя в них. В самой кибитке сидели священники всех рангов. По сторонам висели изображения *бурханов* (burchane), или богов, а напротив входа был *алтарь* (altar). Между алтарем и входом в два ряда напротив друг друга сидела толпа священников.

Вся служба состояла из смешанной инструментальной музыки, которая хотя и не являла абсолютной гармонии, но создавала вид некой систематичности тонов. Иногда звучание инструментов просто поддерживалось вокальной музыкой. Один из самых почтенных священнослужителей, сидевший слева от алтаря, думаю, посредством колокольчика, который он держал в руке, дирижи-

¹ Шакьямуни, он же Будда Гаутама — основатель и проповедник буддизма, которому по преданию предшествовали 24 других Будды. Буквальный перевод этого имени — аскет из рода Шакья [[Религии мира 2006: 617](#)]. — прим. А. Б.

ровал музыкой. У остальных священнослужителей были специальные инструменты, которые назывались *бюра* (Bürä)¹, *бишкюр* (Bischkür)², *гангдунг* (Gangdung)³, *кенгаря* (Kängärgä)⁴ и *зиланг* (Zilang)⁵.

Бюра имеет форму мундштука длиной около трех аршин, тщательно изготовленного из металла, и состоит из трех частей, которые можно с трудом полностью протиснуть друг в друга. Что касается звука, его можно сравнить со звуком тромбона.

Бишкюр — это разновидность дудки. Средняя часть ее сделана из кости или твердого дерева. Мундштук, как и ноздри, сделан то ли из меди, то ли из жести. Длина этого инструмента составляет примерно аршин.

Гангдунг — это своего рода зубцы, сделанные из листового металла или латуни, которые музыканты используют попеременно.

Кенгаря — это особый вид барабанов, который со всех сторон обтянут пергаментной кожей. Обе плоские стороны находятся на небольшом расстоянии друг от друга. Их размер превышает размер обычных солдатских барабанов. Кстати, их держат длинной палкой на высоте и бьют загнутым молотком в форме головы дракона.

¹ Калм. *бүрэ* труба, рожок, горн [КРС 1977: 127]. — прим. А. Б.

² Калм. *бушкүр* труба, дудка, горн, свистулька [КРС 1977: 132]. — прим. А. Б.

³ Ганглин — продольный рог, музыкальный инструмент буддийского культа, относящийся к группе аэрфонов — инструментов, источником звука в которых служит колебание воздушного столба [Калмыки 2010: 356]. — прим. А. Б.

⁴ Калм. *кеңкрг* — барабан [КРС 1977: 294]; музыкальный инструмент буддийского культа, относящийся к группе мембранофонов — инструментов, источником звука в которых служит натянутая на резонатор перепонка — мембрана [Калмыки 2010: 356]. — прим. А. Б.

⁵ Селен — музыкальный инструмент буддийского культа, относящийся к группе идиофонов — класса инструментов, источником звука в которых служит колеблющийся или вибрирующий корпус самих инструментов [Калмыки 2010: 356]. — прим. А. Б.

Зиланг — это металлические, выпуклые посередине в форме шляпы, звуковые тарелки. Две такие тарелки составляют единое целое и соприкасаются иногда всей, иногда половиной поверхности, иногда краем во время музыки*¹.

Представьте себе, что за шум должен издаваться, когда все эти инструменты, тем более в нескольких кибитках, слышны одновременно. Во время праздника эта музыка продолжается с утра до вечера, включая короткие перерывы. Думается, что правы те, кто выдает эту калмыцкую хурульную музыку за вдохновение сатаны.

Священники сидели с непокрытыми головами. Дабы показать им свое уважение к их религиозным обычаям, я сам стоял у входа со шляпой в руке: но мои русские спутники были не так учтивы.

В промежутках между молитвами разносили кислое молоко. Сами священнослужители вышли после освежающего напитка отдохнуть от долгого сидения.

Некоторые из священников просили меня войти в кибитку, и я с радостью принял это приглашение, чтобы можно было лучше удовлетворить свое любопытство; т. е. просто осмотреть все. Когда я осушил свою чашу с *чиганом* (Tschigan), я попросил разрешения посмотреть на картины и другие святыни. Мне разрешили сделать это при условии, что я не должен подходить слишком близко.

Но я дал понять остальным, что для меня лучше рассматривать на расстоянии, чем не видеть совсем. Затем мне разрешили приблизиться, но нельзя было дотрагиваться ни к чему, и пришлось поднести шляпу ко рту для того, чтобы мои пальцы и мое дыхание не оскверняли священные предметы.

Я смотрел на картины, которые висели внутри кибитки вкруговую, частью аккуратно раскрашенные на желтой тафте. Так как незадолго до этого я прочитал вторую часть монгольских сообще-

* См. Монгольские сообщения. Т. 2. С. 166–167 с прикрепленной медной пластиной LX. Б.

¹ Здесь Б. Бергман ссылается на второй том книги П.-С. Палласа «Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften» (St. Petersburg, 1801), где на с. 166–167 описываются калмыцкие музыкальные инструменты. — прим. А. Б.

ний Палласа, а прикрепленные медные монеты все еще были в моей памяти, мне не составило труда назвать пару дюжин имен. Я сказал, что здесь *Джагдшамуни* (Dschagdschamuni), здесь *Яман Дагос* (Jaman Dagos)¹, там *Окин Тенгяри* (Okin Tängäri)², *Цагаан Дара Эккя* (Zagaan Dara Aekkä), *Нойон Дара Эккя* (Nojon Dara Aekkä)³. Калмыцкие священники, впервые увидевшие меня в своих кибитках, очень удивились. Двое из них повели меня в другие кибитки, чтобы осмотреть новые картины, и я также назвал их здесь: *Нидубар Узукчи* (Nidubar Uesüchtschi)⁴, *Майдари* (Maidari)⁵, *Манзушари* (Mansuschari)⁶, *Эрлик хан* (Aerlik Chan)⁷ и бог знает

¹ Ямантака (в пер. с санскрита ‘покончивший с богом Ямой’) — один из основных идамов в мифологии ваджраяны [Мифы 1988: 683]. — прим. А. Б.

² Калм. *Окн теңер* — в мифологии монгольских народов женское небесное божество, квалифицируется как гневное воплощение богини Цаһан Дэрк, воспринимается и как богиня-мать, всеобщая прародительница [Мифы 1988: 270]. — прим. А. Б.

³ Калм. *Цаһан Дэрк* (Белая Тара), *Нохан Дэрк* (Зеленая Тара) — самые известные из 21 тары в пантеоне божеств, наиболее популярные женские мифологические образы, являющиеся воплощением беспредельного сострадания. Они представляются одетыми в платье индийских царевен и различаются по положению рук и ног [Мифы 1988: 494]. — прим. А. Б.

⁴ Калм. *Нүдвэр Узгч гегэн* — Авалокитешвара (тиб. Ченрези), означает «взирающий очами» или «владыка, смотрящий с высоты»), один из главных бодхисаттв в буддийской мифологии, олицетворение сострадания [Мифы 1987: 23]. — прим. А. Б.

⁵ Майдари (Майтрея) — в буддийской мифологии бодхисаттва и будда грядущего мирового порядка [Мифы 1988: 89]. — прим. А. Б.

⁶ Манджушри — один из трех главных бодхисаттв, олицетворяет мудрость. Его обычно изображают в виде красивого индийского царевича, держащего в поднятой правой руке пылающий меч [Мифы 1988: 102]. — прим. А. Б.

⁷ Калм. *Эрлг хан* (монг. *Эрлик Номун-хан*) — владыка царства мертвых, верховный судья в загробном мире, дьявол. Имя восходит к древнеуйгурскому *Эрклиг каган* (‘могучий государь’) — эпитету владыки буддийского ада Ямы. Прозвище *Номин (номун) хан* — калмыцкая (монгольская) калька титула Ямы — ‘царь закона’, ‘владыка веры’ [Мифы 1988: 667]. — прим. А. Б.

каких еще богов. Я назвал музыкальные инструменты их монгольско-калмыцким обозначением и напоследок указал на шелковый написанный иностранными литерами свиток, который я тоже знал от Палласа, и поэтому мог легко сказать группе священников, столпившихся вокруг меня, что он индийский. «Он знает индийскую письменность!» — воскликнули все. Один из них спросил меня, могу ли я читать свободно по-монгольски, и когда я сказал «да», он показал мне несколько листов бумаги, написанных на этом языке. Письмо было написано достаточно четко, чтобы я смог прочитать полстраницы. Изумление священников было запредельным.

Хотя, возможно, с моей стороны и было немного хвастовства, но мне кажется, что это было, по крайней мере, очень простительно для меня, потому что я только надеялся привлечь внимание калмыков и действительно вызвал это. Предположим, что калмык приобрел некоторые незначительные литературные знания в степи через европейца. Пусть этот калмык войдет на собрание наших священников, откроет Библию и скажет: «Это греческое!». Вдобавок пусть он бегло читает на нашем родном языке. Разве наши священники не удивились бы, заметив знания азиата, из которых они вообще не могли понять, как они возникли у него? Возможно, мы могли бы назвать обученного азиата как человека со способным и открытым умом. Калмыкам я обязан своему хвастовству, что назвали меня столь важным именем *биликтай кур*.

Как следствие разброса моих монгольских познаний было то, что я с величайшей готовностью внимательно относился к различным вещам и пытался объяснить их применение, но, к сожалению, не мог понять всего.

Алтарь напротив входа, занимавший всю высоту кибитки, состоял из деревянного каркаса, покрытого разноцветными шелковыми занавесами. Наверху над треном находился шелковый балдахин, где, помимо небесного дракона, вызывавшего молнии и гром, мне было позволено заметить еще несколько диковинных фигур. В центральной части алтаря стояли различные *бурханы* (burchan) из меди в шелковых одеяниях. На нижнем выступе было

несколько жертвенных чаш, наполненных зерном, бобами, рисом и другими вещами, которые также были выбраны брахманами к этим обрядам.

Рядом с этими чашами стоял кувшин со святой водой (*аршан*) (*arschaan*), из которого всегда торчали какие-то павлиньи перья. Внизу было зеркало. Я спросил: «Для чего?». Они сказали, что так и должно быть.

Мне хотели показать еще несколько диковинок, в то время как снаружи кибитки раздался громкий рёв рогов, который послужил сигналом для священников вновь собраться для молитвы. И так, священники вернулись, а я ушел. У входа в кибитку стояли несколько важных священнослужителей в красных одеждах, с чем-то вроде шлемов на головах, на некоторых из них вдоль спины свисал желтый пучок шерсти.

Эти священнослужители, которые в какой-то мере управляют службой в хуруле, отличаются почетным именем *гепкю* (*ghäpkü*). Рядом с ними можно было увидеть несколько священнослужителей низшего ранга, которые напрягали свои легкие, постоянно дую в рожок из тритона.

Вдалеке дымился большой котел в огне, поддерживаемый целой горой навозных углей¹. В котле тушили целых коров и баранов. Некоторые священники сидели и курили и, казалось, ожидали того момента, когда они смогут наполнить свои голодные желудки. Перед ними стоял обнаженный по пояс, черный, как сатана, повар с большой шумовкой, которой поднимал и опускал куски мяса.

Рядом с молитвенной кибиткой поставили европейскую палатку, похожую на прихожую, где лежали груды приготовленных кусков мяса, разрезанных на мелкие куски, которые носили в кибитку. Здесь собралась толпа церковных мальчиков под присмотром нескольких священнослужителей, и в то время как одна часть, казалось, с нетерпением ждала принесенных чаш, другая ела представленные куски с большим аппетитом.

Я мог лишь недолго наблюдать это зрелище, потому что толкотня мальчиков-священников, которые входили и выходили с пу-

¹ Имеется в виду кизяк. — прим. А. Б.

стыми и полными чашами, стала настолько сильной, что мне приходилось опасаться каждую секунду, что чаша бульона или чигана выльется на меня.

Письмо 5 [Bergmann 1804: 69–76]

6 мая

Калмыцкие священнослужители делятся на три класса. Самый низший состоит из мальчиков, которых называют *манджи* (Mandschi), средний — *гецюли* (Gätzülln) и высший — *гелюнги* (Gällüngen). Кроме того, в каждой орде имеется верховный священнослужитель, которого зовут *лама* (Lama).

Лама наместника назначает в своем доме в последние дни праздника *урүс* (Uergüß) из самых достойных *гецюлей* (Gätzülln) пятнадцать *гелюнгов* (Gällüngen)*.

Так как при выборе ценится больше богатство, чем способности и возраст отдельных испытуемых, то легко понять, как должно увеличиваться ежегодно количество гелюнгов в хурулах.

Законы *лам* (Lama) обязывают посвященных в день посвящения до поздней ночи ходить вокруг *хурула* (Churull). Мне удалось увидеть восьмерых из пятнадцати, совершавших паломничество вокруг *хурула* (Churull) *хана* (Chan), в то время как остальные, вероятно, должны были идти с *ламой* (Lama). Они шли босиком. Их гладкая голова была непокрыта. Поверх красной церковной нательной туники они носили желтое шелковое одеяние, которое полностью состояло из прижатых параллельно свисающих складок, которые спускались от шеи до пяток, закрывали левую руку и только правую руку до подмышек можно было увидеть обнаженной. В правой руке они держали четки* и двигали шариками,

* Менее чем через 3 месяца там же у кочевников были сразу избраны 40 гелюнгов. Некоторые утверждают, что лама от жадности посвятил всех в сан, потому что каждый новый гелюнг должен более или менее расплатиться за духовный сан.

* Эти четки, распространенные в Индии, Бутане, Тибете и среди монгольских народов, состоят из 108 бусинок, которые обычно изготавливают из косточек терна. Ниже на нем висят маленькие шарики, по которым отмечают полный оборот. Калмыкам нужны четки также и в качестве вычислительной доски.

не шевеля при этом рукой. Торжественная серьезность царила на лицах этих новопосвященных. С глазами, опущенными к земле, безмолвно, погруженные в себя, следовали они по кругу.

Новое торжество послужило сегодня поводом для приезда ламы в хурул князя. *Лама* (Lama), кибитка которого находилась в нескольких верстах, приехал верхом к реке, где его ожидала многочисленная толпа. Его святость подчеркивало то, что он носил верхнее платье из желтого шелка, потому как желтый цвет был особо почитаем у монголов. На голове была круглая шапка, как у обычных священников, но вместо обычной окантовки из меха лисы, она была оторочена соболем.

Калмыцкий патриарх сел на коня, а я смешался с толпой священников, сопровождавших его в хурул (Churull). *Гелюнг* (Gällung) вел коня за узду, а простой священник нес посох из черного дерева (почетный дар предыдущего монарха). *Лама* (Lama) остановился у хурула (Churull), где уважаемый священник приветствовал его. Затем он подошел к молитвенной кибитке. Два флага развевались перед кибиткой. Открытый шатер был натянут у входа, рядом с которым двое *генкю* (ghäpkü) в красном одеянии управляли богослужением. На несколько мгновений зазвучала обычная хурульская музыка. *Лама* (Lama) вошел в кибитку, трижды упал навзничь перед алтарем, приподнялся на несколько мгновений и сел на мягкое ложе посреди шатра. Затем он снял красные сапоги, желтое верхнее платье, закинул ногу на ногу, руки до плеч были обнажены. Священники поклонились и преклонили колени перед ним. Народ протискивался все ближе вперед, но каждый раз преграда из нескольких *гелюнгов* (Gällungen) сдерживала натиск. Сначала нас, европейцев, не хотели допускать к *ламе* (Lama) и обратились к нам, чтобы мы наблюдали за праздником со стороны. К нам хорошо отнеслись, но мы настаивали на уже выбранном месте, в указанном месте мы могли бы видеть все гораздо ближе и лучше.

Некоторое время *лама* (Lama) пробыл в шатре, когда подошел *хан* (Chan) со своими двумя старшими сыновьями и толпой *зайсангов* (Seissange), или знатных людей. *Хан* (Chan) в синем шелковом

одеянии, переливающимся золотом и серебром, сначала поклонился, затем присел недалеко от *ламы* (Lama).

Оба сына *хана* (Chan) трижды поклонились до земли и сели друг за другом снаружи шатра, пока их не пригласили занять место рядом с их отцом.

Через четверть часа пришла *ханша* (Chanin) с дочерьми в сопровождении многочисленной толпы. Она тоже бросилась три раза перед *ламой* (Lama) на землю, затем присела рядом с младшим сыном. *Лама* (Lama) ответил на все эти поклоны лишь легким движением рук.

Когда семейство *хана* (Chan) заняло свои места, была совершена торжественная молитва. После молитвы принесли для трапезы сосуды с молоком и чаем, миски с мясом и круглые крендели.

Во время завтрака я пошел в расположенную вблизи хурульную кибитку, где меня привлекло новое зрелище. Простые люди протискивались в толпе вперед, бросались на землю перед кибиткой и таким образом приближались ко входу. Падение навзничь происходило каждый раз особым образом. Шапку сначала снимали с головы и бросали наземь так, что желтая ее сторона ложилась наверх. Затем руки размашистым движением накладывались друг на друга и приближались большим и указательным пальцами к лицу. При падении навзничь брошенная шапка соприкасалась с головой. На входе кибитки, где свернутые алтарь и картины указывали на окончание праздника, стояли *манджиски* (Mandschi) и *гелюнги* (Gällungen) с кувшинами, из которых они наливали святую воду на свернутые лодочкой ладони людей. Кто получал это питье, выпивал небольшой глоток, а остальное использовал для того, чтобы умыть лицо. Мне также дали немного этого напитка. Он состоял из воды, шафрана и сахара. Каждый калмык, которому наливали немного этого напитка в руки, платил за это пару копеек.

Когда я снова вернулся к *ламе* (Lama), то застал все в том же порядке. Трапеза продолжалась, а священники, как всегда, сидели, поджав ноги. Тем временем люди ходили вокруг и собирали деньги, которые, как мне сказали, были предназначены для *ламы*.

Сборщикам денег не надо было никому напоминать, так как каждый со своей монетой протискивался и отдавал.

Поскольку день был необычайно жарким, я не захотел ждать окончания этого торжества. Ближе к вечеру я пошел на рынок, который состоял примерно из 50 кочевых кибиток, где татары, русские и армяне предлагали свои представленные на продажу товары. Лавки тогда больше, чем обычно посещались, так как *урус сар* (Uerrüß) привлекал большее количество торговцев. Товары, которые были здесь нарасхват, это ткани из шелка, холст, китай (или китайка по-русски), сафьян и железная посуда. Я заходил в разные лавки, но моим глазам требовалось несколько минут, чтобы привыкнуть к темноте, царившей там. Повсюду стояли на коленях на земле покупатели из числа калмыков и пробовали товары, которые пытались предлагать изо всех сил торговцы. Выгода, которую извлекали последние от своих товаров, не могла быть незначительной. Если проехать от 50 до 65 верст дальше, то многие товары можно будет купить на треть дешевле (перевозка на верблюдах или татарской повозке (арбе) не требует здесь больших расходов).

На мой вопрос, не грабят ли торговцев, то ответили, что они не могут припомнить этого на протяжении многих лет. Когда я сказал, что они могли бы позаботиться о безопасности от мошенников посредством достаточного количества охраны, то узнал к моему большому удивлению, что один лишь единственный страж обходит все вокруг ночью. На самом деле, если вы думаете, что парой порезов ножом проникнете в калмыцкие лавки, где только захотите, то у вас есть повод удивиться тому, что легкость совершения кражи калмыцких воров не привлекает.

Письмо 6 [[Bergmann 1804: 76–81](#)]

На *Аксае* (Ахаі) в 130 верстах от *Сарепты* (Sarepta)

9 мая

С позавчерашнего дня мы трижды меняли местонахождение, переместились на 50 верст к северу и теперь находимся у небольшой речки на *Дону* (Don), изобилующей рыбой, раками и черепа-

хами*. Окружающие окрестности представляют собой идеальную равнину, которая была специально выбрана для расположения места, чтобы праздновать настоящий праздник урюс с рингом и скачками. Я доволен тем, что мы будем пребывать в этом месте три недели, так как частая смена мест проживания очень противна мне. Однако кочевой образ жизни калмыков настолько разительно контрастирует с образом жизни европейцев, что краткое описание об этом не должно быть неприятным для вас.

За день до первого отъезда орды нас извещают о том, что мы должны быть готовы к переезду. К назначенному времени верблюды и лошади были доставлены. Множество калмыков подошли к нашим кибиткам, разобрали их и погрузили на верблюдов. Часть багажа была размещена на татарских телегах, которые отличаются от обычных повозок этого типа более крупными колесами с многочисленными спицами и огромными ступицами.

В орде перед отъездом царят несколько часов вселенского движения. Все калмыки заняты тем, что собирают стада и загружают кибитку и имущество. Как только все готово, отправляются в путь на новое место расположения.

Пустыня и необитаема калмыцкая степь может быть, по крайней мере, до времени переезда, когда обнаруживаешь оживленную толпу вокруг. С обеих сторон нашего пути все было забито выюченными животными и стадами. Тот, кто оставил позади себя навьюченных верблюдов, видит стадо крупного рогатого скота, которым управляет калмычка, там стадо кобылиц, которые послушно следуют за жеребцом. Далее встречаются 10–15 упитанных *геллунгов* (Gällungen), радостно и довольно продолжающих свой путь. В стороне от них — нередко встречающаяся картина нищеты в образе оборванного мальчишки, который пешком ведет пару верблюдов,

*Черепях можно встретить во всех реках Дона, но меньших по размеру, чем на Волге и в Каспийском море, потому что их средняя длина составляет примерно полфута. Можно составить представление об их изрядном количестве из того, что при каждом улове сетями вытаскивают сразу от 3 до 4 черепях. Можно утверждать, что черепях считают очень вредными, потому что они цепляются за руки-ноги ловца. Они также считаются ядовитыми: но совсем недавно то же самое приписывалось обычным жабам.

в то время как рядом с ним едет верхом на единственной лошади мать.

Хан (Chan), который окружен 50 носильщиками и всегда находится впереди, является одним из первых на новое место. После того как княжеский дворец возведен, как можно быстрее готовят чай. Большая часть калмыков делает это тоже. Такие кочевые странствия возвращают нас в давние времена человечества, где предки со своими стадами также вели кочевую жизнь, в которой не имели больших потребностей, а князья и подданные различались лишь по виду и богатству. Настоящее как по мановению волшебной палочки вызывает в воображении образы прошлого, которые, несомненно, должны произвести более сильное впечатление на нашу душу, чем самая прекрасная поэзия: кисть поэзии не может изобразить прошлое такими правдивыми красками, так, как те времена представляются в настоящем.

Во время переезда калмыки, рассчитывая на праздничные дни, занимаются охотой. Вчерашний день был одним из тех дней, когда закон запрещал охоту.

Тем временем находящиеся в орде русские, охотясь на бродячих коз, задержали за короткое время от 15 до 20 молодых особей, которые не в состоянии были так быстро уйти, как старые, их доставили *гелюнгам* (Gällungen), которые дорого заплатили им за это, но животные снова убежали, когда опасность миновала.

Один из *гелюнгов* (Gällungen), который был настроен менее кротко, чем другие, и вчера охотился на нескольких коз, оставшуюся часть пути должен был ехать в одиночку, потому что другие, по крайней мере, в течение дня не хотели быть в обществе с ним. Если в орде в калмыцкие молитвенные дни русскими (потому что калмыками это и так уж никогда не совершается) ловятся рыба или раки, то приходят очень часто гелюнги и просят рыбу или раков, чтобы они могли в святой день свершить достойное дело, спасая свою душу от гибели и отпуская рыбу и раков.

Хотя калмыки и убивают сельскохозяйственных животных ради еды, настоящий ламаит не убивает ни змей, ни черепах, кроме хищных животных, которые губительны для его стада.

Даже вшей, которые являются одними из главных бед калмыцкой жизни, не будет убивать набожный калмык. Я спросил недавно старого калмыка, который освободился от своего постояльца, захотел бы он за вознаграждение одного единственного из этих изгнанников убить. Он ответил: «Конечно, нет!» — «А за тысячу рублей?» — «И не за миллион! Хоть вошь или человек, а я не убью, у обоих есть душа»*.

Заключение

Эпистолярная форма изложения позволяла Б. Бергману достаточно широко отражать действительность, свободно высказывать свое мнение. Письма Б. Бергмана представляют несомненный интерес, так как содержат этнографические наблюдения за жизнью калмыков человека совершенно другой культуры. И тем ценнее его взгляд, взгляд европейца, на вполне обыденные для кочевника явления.

Источник

Bergmann 1804 — *Benjamin Bergmann*. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Erster Theil. Riga: bei J. G. Bartmann, 1804. 352 p.

Литература

Басангова 2002 — *Басангова Т. Г.* Б. Бергман и «Джангар» // Монголоведение. Вып. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 124–130.

Калмыки 2010 — Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 568 с.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Логунова 2009 — *Логунова Н. В.* Художественный эпистолярный курс и иные разновидности литературного нарратива: к проблеме сопоставления // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 5. С. 128–133.

Лохина 2003 — *Лохина Т.* Частная рукопись в конце XVIII – начале XIX в. // Филологические науки. 2003. № 2. С. 45–46.

* Старший сын хана сказал калмыку, убившему тарантула: «Это животное дорого обойдется тебе в другой жизни».

- Митруев 2020 — *Митруев Б. Л.* Б. Бергман и его труд о калмыках и калмыцкой культуре // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук. 2020. № 4. С. 149–175. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-149-175
- Митруев 2021 — *Митруев Б. Л.* Описание калмыцкой борьбы в «Кочевнических скитаниях среди калмыков в 1802–1803 годах» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 89–101. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-89-101
- Мифы 1987 — Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 тт. Т. 1: А–К. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 671 с.
- Мифы 1988 — Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 тт. Т. 2: К–Я. М.: Сов. энциклопедия, 1988. 719 с.
- Островский 1859 — *Островский Э.* Письма из путешествия по киргизкайсацким степям: в 2 т. Т. 1. Гродно: [б. и.], 1859. 137 с.
- Религии мира 2006 — Религии мира: энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. М.: Вече, 2006. 640 с.
- Ученые-исследователи 2006 — Ученые-исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.) / сост. П. Э. Алексеева, Л. Ю. Ланцанова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 251 с.